Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/VCVAYI
УДК 821.161.1.0
ББК 83

МАССОВОСТЬ И «МАССОВИЗАЦИЯ» В РАННЕСОВЕТСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ

© 2022 г. Д.С. Московская, Н.Ю. Бакшаева, О.В. Романова
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия
Дата поступления статьи: 18 июля 2022 г.
Дата одобрения рецензентами: 21 августа 2022 г.
Дата публикации: 25 декабря 2022 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-10-33

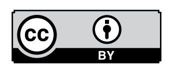
Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 20–18–00394 «“Стенограмма”: Политика и литература. Цифровой архив литературных организаций 1920–1930-х гг.»

Аннотация: Теоретизация понятия *советский писатель* сопряжена с пониманием, что в 1920-е гг. литературный процесс претерпевает масштабные изменения: писатели подвергаются идеологической формовке. Обращение к мотивам поведения участников раннесоветского литературного процесса, изучение которого обеспечивают архивы пролетарских писательских союзов, дает возможность социологической и литературоведческой интерпретации понятия советский писатель. В социологической перспективе советский писатель принадлежит рынку идеологических ценностей, и предложенное Е.А. Добренко и М.О. Чудаковой референциальное наполнение этого понятия — «массовая графомания» или подчинение доктрине соцреализма — отвечает социальной практике 1920–1930-х гг. В литературоведческой перспективе писатель предстает автором, «структурой, действующей в пространстве произведения». Имманентный ракурс освобождает *советского писателя* от статуса «советскости» и позволяет отнести его произведения к достижениям мировой литературы.

Ключевые слова: архив литературных институций, социология литературы, поле власти, массовизация, паралитература, советский писатель, советская литература.

Информация об авторах: Дарья Сергеевна Московская — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8089-9604
E-mail: d.moskovskaya@bk.ru
Наталья Юрьевна Бакшаева — научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1234-7784
E-mail: nbobresova@gmail.com
Ольга Владимировна Романова — научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3684-5331
E-mail: coatle3303@gmail.com

Для цитирования: *Московская Д.С., Бакшаева Н.Ю., Романова О.В.* Массовость и «массовизация» в раннесоветском литературном процессе // Studia Litterarum. 2022. Т. 7, № 4. С. 10–33. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-10-33

Studia Litterarum,
vol. 7, no. 4, 2022

MASS CHARACTER AND "MASSOVIZATION" IN THE EARLY SOVIET LITERARY PROCESS

© 2022. Daria S. Moskovskaya, Natalia Y. Bakshaeva,
Olga V. Romanova
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Received: July 18, 2022
Approved after reviewing: August 21, 2022
Date of publication: December 25, 2022

Acknowledgements: This paper was prepared with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 20-18-00394 "'Stenograph': Politics and literature. Digital archive of literary organizations."

Abstract: Theorizing the concept of Soviet literature is associated with the understanding that in the 1920s the literary process is undergoing massive changes. The mass writer undergoes ideological molding. The "order for inspiration" after 1926 does not come from the financial market, but from the authorities. But regardless of the instance that actualized the order, the fusion of literature with power gives rise to "paraliterature," which typologically equates the "tabloid" generated by financial mechanisms with mass custom-made thematic literature. An appeal to the motives of the behavior of participants in the early Soviet literary process, the study of which is provided by the archives of proletarian writers' unions, reveals the possibility of a sociological and literary interpretation in the concept of a Soviet writer. In the sociological perspective, the Soviet writer belongs to the market of ideological values, and the referential content of this concept, proposed by E.A. Dobrenko and M.O. Chudakova — "mass graphomania" or subordination to the doctrine of socialist realism — corresponds to the social practice of the 1920s–1930s. In the literary perspective, the writer appears as the author, "a structure acting in the space of the work." The immanent perspective liberates the Soviet writer from the status of "Sovietness" and makes it possible to attribute his works to the achievements of world literature.

Keywords: archive of literary institutions, sociology of literature, field of power, massization, paraliterature, Soviet writer, Soviet literature.

Information about the authors: Daria S. Moskovskaya, DSc in Philology, Director of Research, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0002-8089-9604 **E-mail:** d.moskovskaya@bk.ru

Natalia Y. Bakshaeva, Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-1234-7784 **E-mail:** nbobresova@gmail.com

Olga V. Romanova, Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia. ORCID ID: https://orcid.org/0000-0003-3684-5331 **E-mail:** coatle3303@gmail.com

For citation: Moskovskaya, D.S., Bakshaeva, N.Y., Romanova, O.V."Mass Character and 'Massovization' in the Early Soviet Literary Process." *Studia Litterarum*, vol. 7, no. 4, 2022, pp. 10–33. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-4-10-33

Мы не навоз для будущего, а активные строители его[1].
М. Лузгин. ЛАПП на новом этапе. 1931 г.

Своеобразие литературного процесса первого пореволюционного десятилетия определяли многочисленные писательские союзы, ставшие организаторами и исполнителями уникального социального эксперимента, который позволил стране, пережившей войны и революции, где до 80% населения было неграмотным, повысить образовательный уровень трудящегося класса, указать ему путь к богатствам мировой культуры, побудить к творчеству, укрепить веру в собственные силы и новые возможности. Социокультурная ситуация в молодой советской республике не имела аналогов ни в прошлом, ни в актуальной современности: «несущие конструкции здания будущего», по удачному выражению Е.А. Добренко, определялись массами. Массовые пролетарские литературные объединения, вобравшие в себя «культурный авангард пролетариата», а с ним — комсомольских и партийных функционеров, и крестьянские, составленные из бывших селькоров, отвечали духу переходного времени, когда победивший класс требовал на деле обеспечить свое «право на культуру». Борьба за рабоче-крестьянского читателя, которую повели пролетарские ассоциации, сопровождавшаяся обучением начинающих авторов в рабочих кружках по всем регионам, отвечала общественному запросу на образование и культуру. Разрабатываемые в 1920-е гг. критикой и функционерами пролетарских писательских союзов литератур-

1 Авторы статьи осознают двусмысленность цитируемого высказывания заместителя главного редактора пролетарского журнала «Октябрь», ответственного секретаря Ленинградской ассоциации пролетарских писателей М.В. Лузгина.

но-организационные приемы и практики «завоевания» рабоче-крестьянских читателей и писателей сочетались с курсом на отрыв этой массы от попутчиков, строивших «эстетический мостик между прошлым и настоящим» [31, стб. 6–7]. Одновременно был взят курс на «формовку» писателя (Е. Добренко) — подчинение его идеологической «доктрине» (М. Окутюрье). Первой жертвой силового воздействия стал пробужденный к творчеству ленинской культурной революцией массовый писатель и читатель.

Идеологическая формовка, мешающая творческой самореализации, была в конце 1980-х – начале 2000-х гг. включена исследователями в морфологию отечественного литературного процесса. М.О. Чудакова представила его как движение, каждый отдельный момент которого определялся «вектором литературной эволюции (в смысле Тынянова) и социальным вектором. <…> Направленность социального вектора складывалась из множества малых "стрелок", указывавших (посредством дидактической критики, издательских требований и т. п.) в разные моменты в сторону того или иного построения сюжета, выбора героя, жанра, отношений автора со своим словом» и проч. [19, с. 122]. «На пересечении вектора литературной эволюции, направляемой внутрилитературными причинами, и внешнего социального вектора», пишет М.О. Чудакова, появлялись «изделия разной конфигурации», получившие название «советской литературы». Е.А. Добренко определял ее как «массовую графоманию», реальным автором которой выступила власть [7, с. 8]. М. Окутюрье и вслед за ним М.О. Чудакова связали понятие «советская литература» с «функционировавшей доктриной» — вживленной в ткань произведения «распиской в идеологической лояльности» [19, с. 134]. Отличие в спецификации «советскости», в одном случае акцентирующей массовость, в другом — доктрину социалистического реализма, обусловлено, как нам представляется, соотнесенностью с типологически разными периодами в истории отечественной литературы: массовое писательское творчество было признаком эпохи нэпа, тогда как оформление «доктрины» и ее внедрение являлись этапами историко-литературного процесса эпохи реконструкции и сталинских пятилеток. С точки зрения условий существования и функционирования института литературы, 1920-е гг. отличаются от 1930-х гг. массовым стремлением к образованию и художественному творчеству и культуртрегерской миссией акторов культурной революции. Начало реконструктивного периода, конец 1920-х –

начало 1930-х гг., отмечено насильственной «массовизацией» литературной деятельности, сопровождавшейся ограничением творческой свободы, вызванном идеологическим насилием.

Выдвинув в качестве предмета данной статьи «массовизацию», под которой имеются в виду литературные практики по вовлечению в литературное творчество большого числа непрофессиональных и малообразованных писателей из числа рабочих, крестьян, красноармейцев и создание массового потребителя пролетарской литературной продукции, мы обратились к архивам пролетарских писательских союзов 1920-х гг., хранящимся в Отделе рукописей ИМЛИ РАН. Известно, что в архиве учреждения культуры «официальные документы обычно значительно преобладают над личными» [9, с. 6], а также, что «для филолога интереснее заниматься филологическими темами, а не партийно-политическими обстоятельствами» [10, с. 3], запечатленными бюрократической документацией. В то же время деловой документооборот пролетарских писательских организаций (стенограммы пленумов и конференций, резолюции и постановления, деловая переписка писательских союзов) позволяет сосредоточиться на функциях литературных институтов: на производстве, коммуникации, потреблении и распределении материальных и символических благ [6; 16]. Теоретический каркас социологии литературы [2; 3; 4; 22] представляется наиболее подходящим, если речь идет о литературных практиках, возникающих в результате «координированной деятельности людей, чье сотрудничество необходимо для того, чтобы данный объект стал произведением искусства» [3]. Он необходим, когда действия людей или коллективов обнаруживают признаки конкуренции «за легитимное присвоение того, что является ставкой борьбы» в социальном поле [4].

С точки зрения социологии литературы, «массовизация» была главным стратегическим маневром руководства ВАПП[2], использованным в борьбе с попутчиками за свое место в строительстве культуры нового, советского общества.

2 Здесь и далее в статье названия литературных институций 1920-х гг. даются в принятых аббревиатурах: Всероссийская ассоциация пролетарских писателей (ВАПП, 1920–1928), Московская ассоциация пролетарских писателей (МАПП, 1923–1932; с 1924 существовавшая как московская секция ВАПП, с 1928 как московская секция РАПП — 1932), Российская ассоциация пролетарских писателей (РАПП, 1928–1932).

***

«Резолюция ЦК о политике в области художественной литературы[3] заставила широкие слои партии (и не только партии) пристальнее взглянуть на те организации, которые пролетлитературное движение оформляют и направляют в коммунистическое русло. Такой организацией, ставящей задачу охвата массового литературного движения, начиная от “зародышевых”, но в то же время небывалых по охвату форм (рабкоры, стенгазеты и др.), и кончая идеологически осознанной литературно-художественной продукцией (выявившие себя писатели-мастера), — является ВАПП», — этими словами открывается статья Г.М. Корабельникова 1926 г. [28, с. 44]. Полемически адресованная главе попутчиков А.К. Воронскому, недавно остро критиковавшему литературную продукцию «низового» рабоче-крестьянского писателя [25, с. 229], статья Корабельникова одновременно характеризовала принципиально новую политико-идеологическую ситуацию, сложившуюся после публикации упомянутой Резолюции. К моменту ее обнародования советская литература была раздираема борьбой между двумя основными игроками на культурном фронте — группой писателей-попутчиков во главе с А.К. Воронским, малочисленной, но влиятельной благодаря своему профессионализму и благосклонности высших партийно-государственных структур, и ВАППом, обладавшим широкой кружковой, еще пролеткультами заложенной базой, но до сих пор не вызывавшим доверия у ЦК партии из-за стремления к организационно-идеологической самостоятельности. Лидер первых, Воронский, предусмотрительно взял курс на расширение своего влияния и вовлечение в свой круг пролетарского писательского молодняка[4] и добился немалых успехов: журнал «Красная Новь» и издания писательской артели «Круг» пользовались читательским спросом. Творчество кружковцев-рабселькоров не интересовало издателей и не привлекало внимания читателей, вследствие чего ВАПП был более чем склонен к грубому «заушанию» (выражение А. Серафимовича) своих противников, для чего были резоны: в государственной издательской политике немалую роль играл Воронский, что не способствовало росту «читаемости» (выражение Л. Авербаха) рабоче-крестьянской литературы. А без широкого читательского спроса, как

3 См.: [33].

4 Здесь и далее в статье курсивом выделены характерные для пролетарской критики 1920-х – начала 1930-х гг. обороты речи.

писал Авербах в статье «Культурная революция и современная литература», о победе пролетариата в культурной сфере речи не могло идти [23, с. 7]. Очевидно, пролетарским писателям нужно было занять командные высоты в коммуникации с читателем и понизить символическую ценность «высокой литературы» и писательского профессионализма. Для этого, как рекомендовал на Всероссийской конференции ВАПП в январе 1925 г. представитель Отдела печати ЦК Вл. Нарбут, «прежде всего, нужно овладеть всеми существующими издательствами в области художественной литературы»[5], внедрив в редакции «своих людей», таких, например, как Ф. Раскольников, Д. Бедный, Д. Фурманов, Ф. Жига и др.: количественный перевес пролетарских критиков должен был обеспечить продвижение на книжном рынке мало профессиональной пролетарской литературы, что, в конечном счете, обратило бы гонорарную политику издательств в пользу вапповского творчества. По данным Нарбута, обычная цена за лист колебалась от 40 до 70 руб., но «я тут слышу (речь идет о записках из зала. — *Д.М., Н.Б., О.Р.*), говорят — 15 руб. <...> Попутчикам в Госиздате платят много: так, Бабелю — 250 р. за лист, Сейфуллиной — 250 р. за лист, Маяковскому — 2 руб. за строку (в то время как обычная плата — 50 коп.), а Маяковский пишет, как читает — за строку считает слово»[6].

Чтобы нейтрализовать высокую рыночную «стоимость» профессионализма, ВАППу была жизненно необходима отчетливо артикулированная поддержка политического центра. Однако отношение ЦК партии к ВАППу оставалось главным вопросом первой половины 1920-х гг. Двойственность партийной линии проявилась в шокировавшей вапповцев оправдательной аттестации, которую Сталин, курировавший Агитпропотдел, дал Воронскому на встрече с делегацией ВАПП в 1925 г.: Воронский, дескать, не водит попутчиков, а всего лишь «водим ими»[7]. Двойственность была и в упомянутой Резолюции ЦК «О политике партии в области художественной литературы» 1925 г., и в проекте Отдела печати ЦК по созданию Федерации объединений советских писателей (ФОСП). И хотя в своих официальных заявлениях руководство ВАПП представляло Резолюцию как победу пролетарской литературы и поражение *воронщины*, забыть о двусмысленности

5 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 48. Л. 47.

6 Там же. Л. 52.

7 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 74. Л. 2–3.

таких положений, как «партия <...> мало может поддерживать какую-либо одну фракцию литературы», и прямую критику — «партия должна предупреждать всеми средствами проявление комчванства», идеологи ВАПП не могли. Нужна была срочная работа над ошибками. Решение, спасшее тогда пролетарскую литературу как проект [14], было найдено: главной ошибкой была объявлена непримиримая к идее компромисса с попутчиками позиция части руководящей группы ВАПП, а именно — группы Вардина, Лелевича, Родова, Безыменского. Борьба с «воронщиной, с правым капитулянтским уклоном» была на время забыта: ВАПП возглавил переговоры с непролетарскими союзами о создании ФОСП «как формы срабатывания ВАППа с попутчиками и отрыва их от буржуазных писателей»[8]. Таким образом ВАПП выстраивал стратегию поведения, которая в переходное время строительства советской государственности и основ обновленной революцией культуры могла обеспечить ему статус руководителя литературным процессом.

Ослабив напряженность в отношениях с ЦК и разработав общую линию в общении с попутчиками, секретариат ВАППа уже не смущался ключевым для эпохи нэпа ленинско-троцкистским тезисом Резолюции о том, что пролетариат, выработав «себе великолепное идеологическое оружие политической борьбы», оказался «культурно придавленным» классом, без навыков творческой деятельности, без «своей особой художественной формы, своего стиля». Наоборот, «культурная придавленность» класса-победителя открывала ВАППу перспективу укрепления своей роли воспитателя и просветителя масс трудящихся. Обновленный в 1926 г. журнал «На литературном посту» немало статей посвятил демонстрации массовой природы ВАППа и МАППа, особо подчеркивая то место в Резолюции, где культурная революция была охарактеризована как продолжение Октябрьской революции [30]. Из Резолюции следовало, что создание массовой литературы рассматривалось ЦК партии как программа «массового культурного роста», как единственный путь к «коммунистическому обществу». «Зародышевыми формами» (выражение Корабельникова из цитированной статьи 1926 г.) культурного роста масс были рабселькоровские кружки, составлявшие организационную структуру ВАППа. Закономерно, что задача создать «массо-

8 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 73. Л. 2.

вую рабоче-крестьянскую литературу» стало программой институциональной деятельности ВАППа и одновременно его охранной грамотой и идеологическим оружием, полученными из рук партии для борьбы с профессиональной узостью попутчиков и аргументом в общении с Наркомпросом для финансовой поддержки своих проектов. Начался институциональный этап «массовизации» советского литературного процесса, принципиально отличный от этапа пролеткультовско-наркомпросовского. Литературные практики «массовизации», разрабатывавшиеся в 1926 г. в недрах ВАПП, свой эстетический потенциал обнаружили в лозунге «одемьянивания» литературы (по имени пролетарского поэта Демьяна Бедного), программный характер которого обеспечивался положением Резолюции, призывавшем писателей к созданию художественной формы, понятной «миллионам». Что касается читателя, то победив на Чрезвычайной Всесоюзной конференции 1926 г. «заушательское» напостовское руководство ВАППа, изгнав Лелевича и Родова, обновленное Правление взялось за «идеологическую “пролетаризацию” *всей массы* населения страны» [28, с. 44], вторгшись в область, где до сих пор трудился ленинский Наркомпрос. С 1920 г. Главполитпросвет при Наркомпросе решал государственную задачу придания «резко определенного политического характера культурной работе» с массами и «политического просвещения взрослого гражданина»[9]. Глава Главполитпросвета Н.К. Крупская ожидала передачи своему ведомству «ряда сторон партийной работы» и превращения Главполитпросвета в «центральный стержень»[10] идеологической и пропагандистской работы в стране. Для этого в конце 1920 г. уже была создана «организационная база» — широкая сеть политпросветов на местах. С 1926 г. такой базой для партии стал ВАПП с его региональными подразделениями. В 1928 г. ту же социально-политическую функцию взяли на себя преемники ВАППа — ВоАПП и РАПП.

МАПП был представлен 13 районными и вузовскими, 43 низовыми кружками, 8 секциями и творческими объединениями[11]. Среди кружковцев рабочих было, как правило, больше, чем представителей других сословий. Например, в литературно-творческом кружке при Коломенском заводе «Дизель» числилось 23 рабочих, 19 крестьян, 16 служащих; партийно-

9 ГАРФ. Ф. А-2313. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 3.

10 Там же. Л. 234.

11 ОР ИМЛИ. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 3.

комсомольское ядро составляло 19 человек. Участие в литературно-творческих объединениях считалось возможностью проявить себя на профсоюзной и общественной работе, однако среди *низовых кружковцев* больше было тех, кто по-настоящему увлекался литературной творческой деятельностью: многие уже имели публикации в школьных, студенческих стенгазетах или районной периодике[12]. Кроме того, модель возникновения кружков по указанию МАППа и при его поддержке не была самой распространенной. Так, кружок «Постройка» Бауманского района Москвы был *самоорганизован*, потом эта «маленькая группа энтузиастов, любителей пролетарского художественного слова выросла до районного литературного кружка МАПП»[13].

В переломном 1926 г. кружки начали получать руководящие материалы из Ассоциаций — бюллетени ВАПП, адресованные в том числе руководителям литкружков. В этот момент расцветает доктринерская деятельность ВАПП по управлению массовым литературным производством, вырабатывается стиль руководства и литературные практики, заложившие основы будущего соцреализма, а его практическое внедрение послужило будущему Союзу писателей СССР «унаследованным настоящим» (выражение Т. Веблена) — долговечной матрицей для институционального развития.

Несмотря на политическую ангажированность, программы 1926 г. еще способны удивить своей идеологической всеядностью — рекомендацией использовать как образец произведения *чуждых в классовом отношении писателей*. Бюллетени ВАПП 1926 г. рекомендовали наряду с литературной критикой Н.И. Бухарина, Г.В. Плеханова и А.В. Луначарского работы уже осужденного «сектанта» Лелевича об А. Ахматовой и В. Маяковском; *представителя мелкобуржуазного попутничества* Воронского о И. Бунине; потерявшего свое политическое влияние леворадикального Л. Троцкого о футуризме, С. Есенине, Н. Клюеве, П. Орешине. Для самообразования кружковцам предлагались стихи покинувшего в 1924 г. ряды ВКП(б) пролетарского поэта-«кузнеца» В. Кириллова; стихотворение «Певец во стане русских воинов» *мистика и придворного учителя* В. Жуковского; оды «Фелица» и «Бог» *царедворца* Г. Державина; «Мощи» *либерального западника* И. Тургенева и др. Обучение средствам художественной выразительности велось по «Теории литературы» формалиста Б.В. Томашевского; строилось на твор-

12 ОР ИМЛИ. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 122. Л. 2.
13 ОР ИМЛИ. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 144. Л. 2.

честве расстрелянного Н. Гумилева, на мистической «Страшной мести» Н. Гоголя или на исполненной *дворянской апологетики* пушкинской «Капитанской дочке». По трудам этнографа М.А. Рыбниковой, призывавшей к усвоению «языковой культуры прошлого в лучших ее проявлениях» [34, с. 4], обучали мастерству художественной речи. Знакомство с современной попутнической литературой осуществлялось по булгаковской «Дьяволиаде», «Голому году» Б. Пильняка, «В тупике» В. Вересаева, стихам о России и революции Есенина.

Для помощи начинающим писателям при ВАППе была открыта литературная консультация, сотрудники которой давали начинающим авторам практические рекомендации в письменном виде: «Уважаемый товарищ Быков! Присланные Вами стихи еще очень слабы. Все это пока только нехудожественные рассуждения на темы о пионерах, гармонике, деревне и проч. <…> Сильно страдает у вас техническая сторона стиха. Вы употребляете такие рифмы, как “клич — Ильич”, “отцов — борцов”, рифмы очень затасканные, истрепанные. <…> Советуем вам повнимательнее ознакомиться с вещами старых поэтов классиков (Пушкин, Лермонтов, Ал. Толстой, Тютчев) и современников — Маяковский, Асеев, Безыменский, Уткин, Светлов»[14]. Обученные таким образом начинающие писатели, например, Юрий Соломонович Берзин, создавали «центоны», вызвавшие критику В.В. Ермилова на Первом Всесоюзном съезде пролетарских писателей: «Человек совершенно открыто устраивает из своих произведений сборник цитат из самых разнообразных писателей»[15]. Начинающим авторам было рекомендовано знакомиться с образовательной или художественной литературой, но учиться критическому к ней отношению: «Пушкин в свое время изучал поэзию предыдущих поколений, не подражал рабски ей, а создавал свои новые формы»[16].

Массовое ученическое творчество, считает Е.А. Добренко, вызвало глубокий кризис ключевых эстетических идей, в том числе кризис идеи «творческой личности» [7, с. 64], — точка зрения, отчасти совпадающая с представлением М.Ю. Левидова об «организованном упрощении культуры» [29, с. 307] как последствии социальной революции. В то же время

14 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 253. Л. 1.
15 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 288. Л. 32.
16 ОР ИМЛИ. Ф. 155. Оп. 1. Ед. хр. 250. Л. 10.

Резолюция 1925 г., подготовившая вапповскую «массовизацию», хотя и декларировала художественную «форму, понятную миллионам», не предполагала ослабления требований к профессиональному уровню писателя, и даже напротив, она призывала опытных писателей включиться в культуртрегерскую деятельность и адресовать ее широким массам рабочих писателей и читателей. Иначе видело «массовизацию» руководство ВАПП. Стихийный рост литературных кружков свидетельствовал, что обучение, образование, культура обладают высокой социальной ценностью, и тягу к ним ВАПП использовал для утверждения собственной *гегемонии на литературном фронте* и девальвации писательского профессионализма. Свою почти семилетнюю деятельность (с 1926 по май 1932 г.) журнал «марксистской критики» «На литературном посту» посвятил развенчанию статусных прав классической многовековой дворянско-буржуазной и наследующей ей литературы и внедрению практик подчинения пролетарского художественного творчества насущным идеологическим задачам.

В 1929 г., с началом эпохи реконструкции, руководство Ассоциаций меняет свою политику. Жестче становится коммуникация с региональными ассоциациями. ВАПП переключает внимание на обслуживание задач первой пятилетки, запечатлевая пропагандистские установки в череде сменяющих друг друга «лозунгов»: «РАПП — на предприятия!», «Встречный промфинплан литературы», «Не попутчик — а союзник или враг», «Литература в борьбу за технику», «Показ героев пятилетки», «Писатели на производство» «Против обезлички при показе ударников», «За решительную самокритику», «За Магнитострой литературы», «Срывание масок» и др. ВАПП навязывает кружкам и подконтрольным в рамках ФОСП организациям жесткие инструкции, регламентирующие все стороны творческого процесса, в том числе отбор художественных средств и образцов для подражания. Самостоятельность кружковцев начинают отслеживать и искоренять. Богородский кружок «Пряжа», существовавший без *руковода*, обвинили в «идеалистическом душке и мистике»[17]. Кружок рабочей критики «Натиск» раскритиковало постановление секретариата МАПП, зафиксировав в творчестве кружковцев «факты двурушничества и поддержки отклонившихся от пролетарского курса левых групп»[18]. В отзыве представителей МАПП,

17 ОР ИМЛИ. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 146. Л. 2.
18 ОР ИМЛИ. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 139. Л. 2.

инспектировавших работу Рогожско-Симоновского кружка «Вагранка», отмечается как положительный момент то, что кружок «дал в литературу довольно большую группу рабочих писателей», как отрицательный — тот, что «все время в период организационных склок и неурядиц <он> был очагом “мобилизации масс” на борьбу с правлением»[19]. Особое внимание руководство ВАППа уделяло *руководам* мятежных кружков. Как следует из характеристики руководителя кружка Фрунзенского района Москвы Чалой (имя и отчество установить не удалось), она «сумела мобилизовать ребят на художественное творчество для местной заводской печати»[20], но делала это «без теоретической подготовки». Чалая «занялась сухим академизмом, читая лекции о ново-буржуазных и других писателях, но не познакомив даже ребят с литературными группировками сегодняшнего дня, не заострив внимание ребят на политике партии в литературе, не сообщив ребятам о “правом” и “левом” в литературе»[21]. В реконструктивный период была свернута деятельность многих кружков Бауманского и Сталинского районов Москвы; распущены такие известные объединения, как «Вагранка», «Антенна» и «Постройка». Последовавшая после общей ревизии кружкового творчества резолюция МАПП гласила: «Рабочие кружки как организационная форма и как организационно-политическая форма литературной работы в условиях реконструктивного периода себя не оправдала. Районные кружки стали загнивать, перестали быть боеспособными»[22].

На смену «свободным» кружкам приходят литкружки при заводах, избравшие «ответственный подход» к планированию программ[23], по удачному выражению Э. Симмонса, к «запланированному творчеству». *Руководы* заботятся теперь прежде всего о промфинплане, отборе предметов и тем, и тщательно протоколируют собрания. В результате задача вовлечения новых участников в кружковое творчество с 1929 г. терпит крах из-за отсутствия интереса со стороны рабочих и низкой литературной продуктивности кружковцев. В угоду «социальному заказу» РАПП пожертвовал обучением литературному мастерству. Теперь *низовые авторы*, стремящиеся быть опубликованными, получить известность, ориентируются на писателей, полу-

19 ОР ИМЛИ. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 1.
20 ОР ИМЛИ. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 3.
21 Там же.
22 ОР ИМЛИ. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 180. Л. 1.
23 ОР ИМЛИ. Ф. 158. Оп. 1. Ед. хр. 161. Л. 70–89.

чивших одобрение у рапповских критиков, что ведет к распространению стилевого и идеологического шаблона. Участники неизданного «Транспортного сборника»[24] (подготовлен к изданию в 1931 г.) повторяют образы и сюжетные ходы пролетарских «бестселлеров». В рассказах и очерках встречается рабочий-ударник, потерявший малолетнюю дочь из-за того, что все свое время отдавал работе; описывается нападение бандитов во время Гражданской войны на железнодорожную станцию, защищать которую вышли не крестьяне, а бойкие рабочие, отстоявшие ее, — клишированные мотивы, знакомые по гладковскому «Цементу», ивановскому «Бронепоезду 14–69» или «Неделе» Ю. Либединского и пр.

Идеологический заказ и вызванный им рост рыночной ценности мировоззренчески выверенного художественного творчества создает советский вариант китча [1], «паралитературу», которая определяется как результат сращения культуры с властью, экономической или политической, как продукт «заказного вдохновения», от какой бы инстанции этот заказ ни исходил.

В условиях полифоничной культуры нэповских 1920-х гг. «грубые силы» рынка ценностей были представлены финансами и классовой идеологией. Рынок книжной продукции, управляемый финансовыми механизмами, обслуживал запросы «мещанства», с которым рьяно сражалась пролетарская критика: «В порнографии <...> авторы видят основной признак “массовости”, порнографией бьют они на “массовость” — нездоровую, на такую, которая могла бы найти себе потребителя среди гимназистов старого времени. <...> Он (журнал. — *Д.М., Н.Б., О.Р.*) и выполняет нездоровый “социальный заказ” обывателя <...> он аргументирует от вкусов потребителя бульварной литературы за границей и хочет эти же “нравы” перенести в советскую литературу» [27, с. 19].

Получив в 1926 г. поддержку ЦК партии, а с ней новые властные возможности, ВАПП актуализировал классовые ценности литературы [27, с. 21], которые, по мнению Д. Быкова, принципиально отличали пролетарского критика от хозяев буржуазно-мещанского рынка. Тогдашний «“массолит”, — напоминает Быков, — был устремлен все-таки ввысь, к образу нового человека» [5, с. 405]. Однако «заказ на образ нового человека» не искоренял паралитературы: сращение литературы с властью, в данном

24 ОР ИМЛИ. Ф. 158. Оп. 1. Д. 343. Л. 1–119.

случае с властью идеологии, производило столь же однотипную массовую художественную продукцию. Финансовый рынок порождал бульварщину и «коммунистическую пинкертоновщину» с клишированными формами западной приключенческой и научно-фантастической беллетристики [12, с. 109–139], «заказ на вдохновение», поступивший от рынка идеологических ценностей, вызвал поток «написанных под копирку» производственных очерков и романов.

Итак, в формативный период советской государственности историко-литературный процесс претерпел масштабные структурные изменения. В него влились массовый читатель и писатель — потребители и создатели «массовой литературы». Литературная продукция ВАППа, взявшегося «окормлять» «культурно придавленный» класс, дала Е.А. Добренко основание судить о советской литературе как литературе, адресованной тем, чей «рецептивный порог стал цензором художественного процесса». Массовая имитация профессиональной писательской деятельности, производство клишированных литературных форм с редуцированными до уровня потребителя смыслами позволили Е.А. Добренко освободить от статуса «советского» целый ряд талантливых и самобытных писателей советской эпохи — от Б. Пастернака до А. Платонова [7]. На основе эмпирических исследований «массового читателя» Н.В. Корниенко [15] показала, что этот читатель почему-то понимал и принимал сложную по форме и во многом идеологически чуждую ему дореволюционную литературу и весьма скептически относился к новой литературе, отдавая предпочтение русской классике. И хотя в работе Н.В. Корниенко речь идет о массовом читателе, ее наблюдения имеют прямое отношение и к массовому писателю, так как критика, формируя читательские вкусы, формировала тем самым и вкусы массового писателя. Н.В. Корниенко показала, что «самые масштабные (и затратные!) государственные программы первого десятилетия по отлучению читателя от классики» не принесли желаемых результатов, а тем участникам литературного процесса, которые сохранили «“крестьянскую наследственность” в отношениях к литературе, можно действительно поставить в “вину” процесс возвращения русской классики в школьные программы и массовые библиотеки во второй половине 1930-х гг.» [15, с. 715].

Социология литературы, отграничивающая литературоведческое, «текстологическое понятие автор, непосредственно связанное с “произ-

ведением”», от понятия *писатель*, отсылающего «к практической системе социальных агентов» [8], сосредоточивает исследовательское внимание на тех индивидах, которые вовлечены в институциональную деятельность, и тех, кому эта деятельность адресована, занимающих политически и экономически подчиненные позиции в поле власти [4]. Это наблюдение возвращает нас к реальности малых величин литературного процесса, но возвращает на новых основаниях, методологически напоминая о необходимости принять тот отрезвляющий факт, что в отказе или согласии агентов литературного поля выполнить социальный заказ скрывается прежде всего «нужда», а не личная «добродетель». Литературно-критическая активность ВАППа/РАППа, внедрявшая в литературное производство идеологические ценности, преследовала узко институциональные цели, но не закрывала возможности обучения и самообучения, векторы творческого развития которых диктовала «вера» для писателей в общественную ценность культурности. Именно по этой причине ВАПП не был способен роботизировать своих членов, что подтверждают наблюдения Н.В. Корниенко, обратившейся к структурам сознания массового читателя с его жизненным опытом. Устойчивое в ряде случаев противостояние внешней формовке было борьбой с «чужим словом» за ценность своего. Эта борьба порождает стилевую игру и топосы произведений М. Зощенко, А. Платонова, К. Вагинова, Л. Леонова, М. Булгакова, А. Введенского, о ней свидетельствуют оценки творчества М. Шолохова и Л. Толстого, данные рабоче-крестьянскими их поклонниками, ее раскрывают редакторские стратегии руководителей научной археографической серии «Литературное наследство» И. Зильберштейна и С. Макашина, добившихся в 1933 г. издания уникальных по своему составу 9/10 томов, посвященных XVIII в., и в 1937 г. томов 27/28, посвященных символистам и символизму, и это в то время, когда обе историко-литературные темы не поощрялись к изучению высокими инстанциями [11, с. 121].

Социально-генетически феномен советской массовой литературы, как и ее «вторичность», неразделимы с ликбезом, с идущей от Наркомпроса культуртрегерской миссией, унаследованной и использованной ВАППом. Массовизация литературного творчества 1920-х и начала 1930-х гг. с точки зрения читателя и начинающего писателя все еще оставалась опытом ученичества, «ремесленного обучения». Обучение всегда означает освоение прие-

мов и усвоение традиции и неразделимо с «писательским отрочеством», когда, как писал Элиот, «так легко поддаться различным книжным впечатлениям» [20]. Юношеская поэзия рабоче-крестьянского писателя А. Платонова свидетельствует, что она создавалась в контексте образов есенинской поэзии, мифотворчества символистов, А. Блока, К. Бальмонта, А. Ахматовой, В. Брюсова, содержала интонации и поэтические приемы русской демократической поэзии и классики [32, с. 445–499]. Вхождение Платонова в большую литературу началось с воронежского «Коммунистического союза журналистов», с публикации политически ангажированных статей и лозунгов в воронежской «красной» периодике; а в 1929 г., уже завершив «Чевенгур» и приступив к работе над «Котлованом» [26, с. 508], он подал заявление на вступление в ряды МАПП [13]. Символистские источники питали творческую лабораторию поэтов Пролеткульта, еще слабых технически, но обладавших языковым чутьем, обещающим появление в своих рядах зрелых творцов [24], что не помешало некоторым из них влиться в ряды ВАПП в качестве функционеров. Когда в 1929 г. обучающие программы сменились широкомасштабной кампанией РАППа по «упорядочению» литературного творчества и созданию «запланированной литературы», так американский литературовед Эрнест Дж. Симмонс назвал подвергшееся формовке рапповскими доктринами литературное творчество, расцветает гений «возможно, величайшего романиста в советской литературе — Михаила Шолохова. <...> Он самый подлинный наследник Л.Н. Толстого из советских романистов. В “Тихом Доне” много от эпического размаха Толстого и его удивительного чувства реализма» [21, с. 3–5]. Очевидно, что социальный заказ не исключает того или иного писательского поведения в отношении собственного творчества: речь может идти, например, об «ощущении “нужности” или “ненужности” направления собственной работы» [17, с. 241].

Таким образом, теоретизация явления массовой литературы, когда обсуждается понятие *советский писатель* и *советская литература*, требует дополнительных критериев, поиска иных оппозиций и оттенков, чем литература «низкая» / «высокая», «элитарная» (М. Черняк), «советская» / «внесоветская» (Е. Добренко), «простая» / «сложная» (М. Липовецкий), «реалистическая» / «формалистическая», «авангардная» (И. Сталин, Н. Хрущев), «искренняя» / «тематическая» (Вл. Померанцев), «запла-

нированная» / «подлинная» (Э. Симмонс), «лакированная» / «каноничная» (С. Бойм). Если помнить о массовом явлении писателей «из народа» в первые пореволюционные годы и провозглашении общегосударственной задачи культурной революции, то стадиальность — здесь имеются в виду качественно отличающиеся этапы творческого становления автора — может обладать большей объяснительной силой, чем построенная на простой оппозиции бинарность: «Зрелый поэт отличается от незрелого тем, <…> что сознание — это более тонкая и совершенная среда, в которой особые и очень разнообразные стремления легко вступают во всевозможные сочетания. <…> чем совершеннее художник, тем строже разделены в нем человек, живущий и страдающий, подобно остальным, и сознание, которое творит; тем искуснее сознание будет усваивать и претворять переживания, являющиеся для него материалом» [20].

***

Обращение к архивам, как справедливо пишет М. Маликова, обеспечивает в исследовании истории культуры переход на социо-антропологический уровень, представляющий «этос составлявших ее отдельных лиц» [9, с. 6], складывающий новые сюжеты и обнаруживающий новые мотивы в этой истории. Обращение к мотивам социального поведения пассионариев раннесоветского литературного процесса, изучение которого обеспечивают архивы писательских союзов, выявляет в ставшем в 1980–2000-е гг. предметом литературоведческих дискуссий понятии советский писатель перспективы социологического и литературоведческого понимания. Институт писательства, как пишет С.Н. Зенкин, представляет собой «социологический субстрат литературы» [8], и потому понятие советский писатель социологично. С точки зрения социологии литературы, замеченная нами стадиальность соотносится с «коротким и длинным циклом окупаемости», учитывающим писательскую установку «на быстрый и недолговечный успех» или с планированием успеха на «дальнюю, возможно даже посмертную, перспективу» [8]. Социологическая стадиальность «нетекстуальна», так как характеризует стратегии поведения писателя как участника — наряду с издателем — рынка символических ценностей. В этой перспективе «советский писатель» принадлежит прежде всего рынку ценностей идеологических, и предложенное Е.А. Добренко и

М.О. Чудаковой референциальное наполнение этого понятия — «массовая графомания» или подчинение доктрине соцреализма — в той или иной степени отвечает социальной практике 1920–1930-х гг. В собственно литературоведческой перспективе стадиальность связана с «текстом» и автором как функцией текста, как «структурой, действующей в пространстве произведения»[25]. Этот имманентный ракурс способен освободить «советского писателя» от статуса «советскости» и отнести его произведения к достижениям мировой литературы[26].

25 «Оттого-то и есть смысл разграничивать “текстологическое” понятие автор, непосредственно связанное с “произведением” (в современной теории автор чаще всего трактуется как имманентный элемент произведения, как более или менее “имплицитное” лицо), и социологическое понятие писатель, отсылающее к практической системе социальных агентов» [8].

26 Модели большой длительности, определяющие понятие мировой литературы, вновь возвращают нас к социологии литературы, свидетельствуя о гомологии текстуальных и социальных факторов литературы (см. подробнее: [8]).

Список литературы

Исследования

1 *Бойм С.* «За хороший вкус надо бороться!». Соцреализм и китч // Соцреалистический канон: сб. ст. СПб.: Академический проект, 2000. С. 87–100.

2 *Бурдье П.* О производстве и воспроизводстве легитимного языка. URL: https://strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka (дата обращения: 18.07.2022).

3 *Бурдье П.* Поле литературы. URL: https://gtmarket.ru/library/articles/3042 (дата обращения: 18.07.2022).

4 *Бурдье П.* Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики. URL: http://bourdieu.name/content/burde-pole-politiki-pole-socialnyh-nauk-pole-zhurnalistiki (дата обращения: 18.07.2022).

5 *Быков Д.Л.* Советская литература. Краткий курс. М.: ПрозаиК, 2012. 416 с.

6 *Гудков Л., Дубин Б.* Литература как социальный институт: Статьи по социологии литературы. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 350 с.

7 *Добренко Е.А.* Формовка советского писателя. Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб.: Академический проект, 1999. 558 с.

8 *Зенкин С.Н.* Теория писательства и письмо теории, или Филология после Бурдье // Новое литературное обозрение. 2003. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2003/2/teoriya-pisatelstva-i-pismo-teorii-ili-filologiya-posle-burde.html (дата обращения: 18.07.2022).

9 Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. М.: Новое литературное обозрение, 2014. URL: https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/vjyugin-valerij-yurjevich/konec-institucij-kuljturi-dvadcatih-godov-v-leningrade/4 (дата обращения: 18.07.2022).

10 *Корниенко Н.В.* Нэповская оттепель. Становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 498 с.

11 *Куделин А.Б., Московская Д.С., Спивак М.Л.* «“Литературное наследство” за все эти годы было таким большим делом...». К 90-летию академической серии «Литературное наследство» // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92, № 2. С. 118–124.

12 *Маликова М.* Халтуроведение: советский псевдопереводной роман периода НЭПа // Новое литературное обозрение. 2010. № 3. С. 109–139.

13 *Московская Д.С.* Андрей Платонов и литературные институции. К вопросу о комментировании произведений эпохи социалистической реконструкции // Studia Litterarum. 2019. Т. 4, № 4. С. 232–251. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-232-251

14 *Московская Д.С.* Пролетарская литература как проект // Новое литературное обозрение. 2021. № 5. С. 80–93.

15 «Очень прошу ответить мне по существу...». Письма читателей М.А. Шолохову. 1929–1955 / отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 848 с.

16 *Тодд III У.М.* Социология литературы. Институты, идеология, нарратив. Бостон; СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2020. 352 с.
17 *Чудакова М.О.* Без гнева и пристрастия. Формы и деформации в литературном процессе 20–30-х годов // Новый мир. 1988. № 9. С. 240–260.
18 *Чудакова М.О.* Две книги о герое-авторе // Новые работы: 2003–2006. М.: Время, 2007. С. 108–129.
19 *Чудакова М.О.* На полях книги М. Окутюрье “Le réalisme socialiste” // Новые работы: 2003–2006. М.: Время, 2007. С. 130–160.
20 *Элиот Т.С.* Назначение поэзии. URL: http://noblit.ru/node/1169 (дата обращения: 18.07.2022).
21 *Ernest G. Simmons.* Russian Literature Since the Revolution // The Saturday review of Literature. 1944. January 15. P. 3–5.
22 *Habermas J.* Communication and the evolution of society. Boston: Beacon press, 1979. 239 p.

Источники

23 *Авербах Л.* Культурная революция и современная литература // На литературном посту. 1926. № 13–14. С. 1–11.

24 *Белый А.* Рец. «Завод огнекрылый». Сб. пролетарских поэтов. Изд. Московского пролеткульта // Горн. 1918. № 1. С. 83–84.

25 *Воронский А.К.* Художественная литература и рабкоры // Красная Новь. 1926. № 3. С.225–235.

26 *Дужина Н.И.* [Комментарий] // *Платонов А.* Сочинения / гл. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2020. Т. 4. Кн. 2. 653 с.

27 *Коваленко Б.* На литературной бирже // На литературном посту. 1930. № 4. С. 19–22.

28 *Корабельников Г.* Что такое МАПП // На литературном посту. 1926. № 3. С. 44–46.

29 *Левидов М.* Организованное упрощение культуры // Красная новь. 1923. № 1. С. 306–318.

30 *Либединский Ю.* О рабочем писательстве. Статья первая // На литературном посту. 1926. № 3. С. 3–4.

31 От редакции // На посту. 1923. № 1. Стб. 6–7.

32 *Платонов А.* Сочинения / гл. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2004. Т. 1. 644 с.

33 Резолюция ЦК ВКП (б) «О политике партии в художественной литературе». URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/1925.htm (дата обращения: 18.07.2022).

34 *Рыбникова М.А.* Книга о языке. М.: Работник просвещения, 1925. 276 с.

References

1 Boim, S. "'Za khoroshii vkus nado borot'sia!'. Sotsrealizm i kitch" ["'Good Taste is Worth Fighting for!' Socialist Realism and Kitsch"]. *Sotsrealisticheskii kanon: sbornik statei* [*Socialist Realist Canon: Collection of Articles*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 2000, pp. 87–100. (In Russ.)

2 Burd'e, P. *O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo iazyka* [*On the Production and Reproduction of a Legitimate Language*]. Available at: https://strana-oz.ru/2005/2/o-proizvodstve-i-vosproizvodstve-legitimnogo-yazyka (Accessed 18 July 2022). (In Russ.)

3 Burd'e, P. *Pole literatury* [*The Field of Literature*]. Available at: https://gtmarket.ru/library/articles/3042 (Accessed 18 July 2022). (In Russ.)

4 Burd'e, P. *Pole politiki, pole sotsial'nykh nauk, pole zhurnalistiki* [*The Field of Politics, the Field of Social Sciences, the Field of Journalism*]. Available at: http://bourdieu.name/content/burde-pole-politiki-pole-socialnyh-nauk-pole-zhurnalistiki (Accessed 18 July 2022). (In Russ.)

5 Bykov, D.L. *Sovetskaia literatura. Kratkii kurs* [*Soviet Literature. Short Course*]. Moscow, ProzaiK Publ., 2012. 416 p. (In Russ.)

6 Gudkov, L., Dubin, B. *Literatura kak sotsial'nyi institut: Stat'i po sotsiologii literatury* [*Literature as a Social Institution: Articles on the Sociology of Literature*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2004. 350 p. (In Russ.)

7 Dobrenko, E.A. *Formovka sovetskogo pisatelia. Sotsial'nye i esteticheskie istoki sovetskoi literaturnoi kul'tury* [*The Making of the Stae Writer: Social and Aesthetic Origins of Soviet Literary Culture*]. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1999. 558 p. (In Russ.)

8 Zenkin, S.N. "Teoriya pisatel'stva i pis'mo teorii, ili Filologiia posle Burd'e" ["Theory of Writing and Writing Theory, or Philology after Bourdieu"]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 2, 2003. Available at: https://magazines.gorky.media/nlo/2003/2/teoriya-pisatelstva-i-pismo-teorii-ili-filologiya-posle-burde.html (Accessed 18 July 2022). (In Russ.)

9 *Konets institutsii kul'tury dvadtsatykh godov v Leningrade* [*The End of the Cultural Institutions of the 20s in Leningrad*]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. Available at: https://litresp.ru/chitat/ru/%D0%92/vjyugin-valerij-yurjevich/konec-institucij-kuljturi-dvadcatih-godov-v-leningrade/4 (Accessed 18 July 2022). (In Russ.)

10 Kornienko, N.V. *Nepovskaia ottepel'. Stanovlenie instituta sovetskoi literaturnoi kritiki* [*Nep Thaw. Formation of the Institute of Soviet Literary Criticism*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2010. 498 p. (In Russ.)

11 Kudelin, A.B., Moskovskaya, D.S., Spivak, M.L. "'*Literaturnoe nasledstvo* za vse eti gody bylo takim bol'shim delom...' K 90-letiiu Akademicheskoi serii 'Literaturnoe nasledstvo'." ["'*Literary Heritage* Has Been such a Big Deal for all These Years...' To the 90th Anniversary of the Academic Series 'Literary Heritage'."]. *Vestnik Rossiiskoi*

akademii nauk, vol. 92, no. 2, 2022, pp. 118–124. DOI: 10.31857/S0869587322020050 (In Russ.)

12 Malikova, M. “Khalturovedenie: sovetskii psevdoperevodnoi roman perioda NEPa” [“Pot-boiler Studies: Soviet Pseudo-translational Novel of NEP Period”]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, no. 3, 2010, pp. 109–139. (In Russ.)

13 Moskovskaya, D.S. “Andrei Platonov i literaturnye institutsii. K voprosu o kommentirovanii proizvedenii epokhi sotsialisticheskoi rekonstruktsii” [“Andrey Platonov and Literary Institutions. On the Issue of Commenting on the Works of the Era of Socialist Reconstruction”]. *Studia Litterarum*, vol. 4, no. 4, 2019, pp. 232–251. DOI: 10.22455/2500-4247-2019-4-4-232-251 (In Russ.)

14 Moskovskaya, D.S. “Proletarskaia literatura kak proekt” [“Proletarian Literature as a Project”]. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 5, 2021, pp. 80–93. (In Russ.)

15 Kornienko, N.V., editor. *“Ochen’ proshu otvetit’ mne po sushchestvu…”: Pis’ma chitatelei M.A. Sholokhovu. 1929–1955* [*“Kindly Ask to Answer Me…”: Letters of M.A. Sholokhov Readers. 1929–1955*]. Moscow, IWL RAS Publ., 2020. 848 p. (In Russ.)

16 Todd III, U.M. *Sotsiologiia literatury. Instituty, ideologiia, narrative* [*Sociology of literature. Institutions, Ideology, Narrative*]. Boston, St. Petersburg, Academic Studies Press, Bibliorossika Publ., 2020. 352 p. (In Russ.)

17 Chudakova, M.O. “Bez gneva i pristrastiia. Formy i deformatsii v literaturnom protsesse 20–30-kh godov” [“Without Anger and Passion. Forms and Deformations in the Literary Process of the 20–30s”]. *Novyi mir*, no. 90, 1988, pp. 240–260. (In Russ.)

18 Chudakova, M.O. “Dve knigi o geroe-avtore” [“Two Books about the Hero-author”]. *Novye raboty: 2003–2006* [*New Works: 2003–2006*]. Moscow, Vremia Publ., 2007, pp. 108–129. (In Russ.)

19 Chudakova, M.O. “Na poliakh knigi M. Okutyur’e ‘Le réalisme socialiste’.” [“On the Margins of M. Ocouturier’s Book ‘Le réalisme socialiste’.”]. *Novye raboty: 2003–2006* [*New Works: 2003–2006*]. Moscow, Vremia Publ., 2007, pp. 130–160. (In Russ.)

20 Eliot, Tomas Stearns. *Naznachenie poezii* [*Role of Poetry*]. Available at: http://noblit.ru/node/1169 (Accessed 18 July 2022). (In Russ.)

21 Habermas, Jürgen. Communication and the Evolution of Society. Boston, Beacon Press, 1979. 239 p. (In English)

22 Simmons, Edward James. “Russian Literature Since the Revolution.” *The Saturday Review of Literature*, January 15, 1944, pp. 3–5. (In English)